

Тем не менее, ряд исследований доказывает, что нетрадиционный женский стиль руководства вполне соответствует современным условиям и может повысить жизнеспособность организации в неустойчивом мире. Исследование, проведенное Саликовым Ю.А. и Шереметовым О.Г., включало тестирование с помощью известных тестов А.Л. Журавлева и Р.Блейка – Дж. Моутон. Оно доказало, что успешные модели менеджмента осуществляют те из руководителей, которые независимо от своего пола имеют психологический репертуар типов поведения, характерных и для мужчин и для женщин. Это означает, что и мужчины, и женщины имеют практически равные психологические возможности для управления предприятием [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что стереотипы о неспособности женщин быть успешными управленцами не соответствует действительности. Неиспользование потенциальных возможностей женской части населения в этой сфере – большая ошибка. Фемининные качества могут дополнить и изменить к лучшему модель маскулинного управления. Современному управленцу, по мнению исследователей, необходимо не только целеустремленность, самостоятельность и инициативность, но и умение слушать, мотивировать и поддерживать персонал.

Список литературы:

1. Егорова, Л.С. Гендерные стереотипы в управлении. //Женщина в российском обществе. – 2001. – № 3–4. С. 13–17.
2. Rossman M. Breaking down barriers: Nine stories // Rossman M. The international businesswoman of the 1990s. A guide to success in the global marketplace. Women in business: A world of opportunity. N.Y. etc., 1990. P. 1–11.
3. Саликов, Ю.А., Шереметова О.Г. Гендерные особенности стиля управления. // Центр исследований региональной экономики [Электрон.ресурс] – Воронеж, 2006–2009. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art=8&page=23>.
4. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, – СПб.: ПРАЙМ–ЕВРОзнак, 2003. – 811 с.
5. Доклад о развитии человека за 2002 г.: Углубление демократии в разобщенном мире. Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, UNDP, 2002. С. 150.

УДК 159.95:378.13

СООТНОШЕНИЕ ЭМПАТИЧЕСКОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ» ДНЕВНОЙ И ЗАОЧНОЙ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ

*Карпенко Л.А. (УО «ВГУ им. П.М. Машерова») /
Науч. рук. – Савченко Т.В., преподаватель*

Деятельность психолога требует от него эффективного, квалифицированного воздействия на сознание клиентов, установления с ними тесного и глубокого психологического контакта. Важным социально-психологическим механизмом такого содержательного воздействия является социальное познание. С его искажением наступает серьезная опасность снижения эффективности профессиональной деятельности психолога в области диагностики, коррекции, определения перспектив дальнейшей работы. В силу этого представляется актуальным исследование оптимизации эмпатического познания психологом клиента как составной части социального познания.

Социальная перцепция – сложное, многосоставное понятие, пытающееся объяснить уникальное явление познания и понимания людьми друг друга. По словам С.Л. Рубинштейна: «В повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку как бы «читаем» его, то есть расшифровываем значение его внешних данных и раскрываем смысл получающегося таким образом текста в контексте, имеющем свой внутренний, психологический план» [1, с. 476].

Словосочетание «эмпатическое познание» изредка встречается в психологии как синоним эмпатического понимания. В философской литературе это выражение практически отсутствует. Между тем, «есть все основания считать, что оно представляет собой самостоятельный механизм познания, рядоположный сенсорному и понятийному. Без его осмысления неразрешим ряд фундаментальных проблем, в частности, генезиса понятийного познания» [2, с. 27].

Эмпатия как механизм познания – психический процесс, позволяющий человеку понять переживания другого человека. Эмпатия, эмпатийность в отношении с партнером может рассматриваться как одно из наиболее важных профессиональных качеств и психолога и педагога. В большинстве случаев высокая профессиональная эмпатийность – результат специального обучения навыкам самоанализа, развития сензитивности, способности к эмпатическому вниманию (слушанию).

Феноменологический анализ, произведенный Э. Гуссерлем и Э. Штайн показывает, что эмпатия представляет собой воображающую модификацию восприятия, как поток переживания имеет свою темпоральную структуру, обусловленную характеристиками «Я-полюса» и «полюса объекта», а в целом предстает как «аналогизирующий перенос» смысловых конфигураций внутреннего опыта Я на Другого. У Гуссерля и других феноменологов, исследовавших эмпатию, речь в основном идет о механизме самоотчуждения душевной жизни субъекта в опредмеченную, разодушевленную до этого внешнюю вещь. Речь идет об эмпатии–проекции, о приписывании другому характеристик своего собственного внутренне–духовного и внешне–телесного мира, а не об эмпатии–интроекции, о присвоении живого образа Другого, что был ранее опредмечен и одушевлен. Если проекция есть «аналогизирующий перенос» из «здесь» в «там», то интроекция – из «там» в «здесь».[3]

Согласно Гуссерлю, в эмпатии раскрывается сущность социального познания. Эмпатия включает в себя как до–рефлексивное знание что Другой есть, так и до–рефлексивное и осознанное предположение что именно собой представляет Другой. В феноменологии Э. Гуссерля и Э. Штайн эмпатия наделена достаточно высоким гносеологическим статусом [3].

Современный американский философ Д. Смит еще более подчеркивает гносеологическую составляющую эмпатии, когда наряду с эмпатической идентификацией и эмпатическим восприятием при знакомстве с Другим особо выделяет «эмпатическое суждение». Такое суждение предполагает вживание не только в чувства, но и в мысли, в особенности мировосприятия Другого. Я делает умозаключение не что Другой есть, не что именно он есть, а что он переживает [3].

В то же время, принципиально важно, что эмпатия – не слияние в сопереживании с другим субъектом. Она предполагает и дистанцирование. Терапевт «впускает» в себя эмоциональное состояние пациента, но не тонет в нем, оставаясь собой. К. Роджерс специально подчеркивает это обстоятельство: «Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает, и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает. Но обязательно должен оставаться оттенок «как будто»: как будто это я радуюсь или огорчаюсь. Если этот оттенок исчезает, то возникает состояние идентификации» [4, с. 235-236].

Хотя в структуре эмпатии познавательный компонент играет огромную роль, эмпатия не является чисто когнитивным процессом. Поэтому понятия эмпатии и эмпатического познания не тождественны. Простейшая форма эмпатического познания – непосредственное эмпатическое чувствование. Оно не просто имеет место вне психотерапии, а представляет собой имманентную составляющую всякой человеческой коммуникации. При этом, однако, значимость ее в одних случаях может быть почти нулевой, а в других выходить на первый план, например, если вы впервые сталкиваетесь с человеком, с которым вам предстоит какое–то время тесно взаимодействовать.

Индивидуальный субъектный репрезентант – это уже следующая, более высокая форма эмпатического познания: «репрезентант конкретного Другого, формирующийся как структурированное свертывание истории сопереживания с ним, его эмпатического чувствования. Это – Другой во мне. Словосочетание «субъектный репрезентант» подчеркивает не только то обстоятельство, что это репрезентант субъекта, но и то, что этот репрезентант субъектен» [2, с. 28]. Индивидуальный субъектный репрезентант – возникшая в ходе когнитивной эволюции априорная форма, пустая до опыта и наполняющаяся в процессе взаимодействия с Другим (Другими).

Исторически, а также, в известной мере, и функционально, эмпатическое познание следует за сенсорным. Эмпатия опирается на сопереживание. Сопереживание эволюционно возникает с появлением сложных форм целенаправленного поведения. На этой основе в мире высших животных формируется и эмпатическое познание, причем не только на уровне непосредственного эмпатического чувствования, но доходящее до формирования индивидуальных субъектных репрезентантов. Что касается функционального следования, оно заключается в следующем: страх или радость Другого проникают в сознание в форме сходного – не тождественного – эмоционального переживания, а импульсом к его возникновению выступает комплекс специфических сенсорных восприятий (особые мимика, тембр и т.п.) [2].

Когнитивным содержанием репрезентанта Другого выступает ожидаемое поведение. Но это знание – не на уровне конкретных подлежащих сенсорному восприятию определенных движений, а на уровне принципиальных направленностей, которые могут поведенчески конкретизироваться по–разному, в зависимости от обстоятельств. Оперирование индивидуальными субъектными репрезентантами позволяет решать сложные административные, коммуникативные, иные задачи, как ситуативного, так и надситуативного характера, связанные с участием различных конкретных субъектов. Разумеется, как и всякое иное, эмпатическое познание чревато ошибками.

Хотя субъектный репрезентант Другого не несет сенсорных характеристик, он обычно жестко связан с конкретным сенсорным комплексом – образом внешнего облика Другого. Сенсорный комплекс выступает индуктором, инициируя актуализацию соответствующего не сенсорного, а энергетического образования.

Третьей, высшей, присущей только человеку, формой эмпатического познания является обобщенный субъектный репрезентант. [2]

Проблема генезиса рационального познания, базовой единицей которого выступает понятие, пока не решена. Наиболее распространенной гипотезой возникновения понятий остается сенсуалистская, согласно которой понятия возникают на основе обобщения чувственных данных. Этот взгляд многократно подвергнут исчерпывающей критике. Результатом обобщения сенсорного может быть только обобщенное представление – высшая форма чувственного познания, часто совпадающая с понятием по логическому объему – но не понятие, которое потому и составляет фундамент иного типа познания, что не несет сенсорных характеристик, будучи именно несенсорным репрезентантом предмета.

Как индивидуальный субъектный репрезентант, так и понятие, несенсорны. В типичном случае для индивидуального субъектного репрезентанта существует устойчивая связь с конкретным сенсорным образом – соответствующим образом тела, выступающим индуктором субъектного репрезентанта. В то же время, зачастую существует и конвенциональная связь с другим сенсорным образованием – собственным именем Другого.

У всех понятий существует конвенциональная связь со словами (словосочетаниями), индуцирующими и понятие и, если есть, соответствующее обобщенное представление. За индивидуальными субъектными репрезентантами стоит единичный предмет, тогда как за понятиями, за исключением сравнительно немногочисленных т.н. единичных понятий, стоят классы однородных единиц.

Отсутствие жесткой связи с сенсорикой и делает возможным возникновение обобщенного субъектного репрезентанта. Сенсорная репрезентация по своему генезису и сущности связана с единичным, телесным, поверхностным. Даже обобщенное представление – это лишь фиксация тождества внешних свойств, выявляемых во взаимодействии с человеческим телом. Но проникновение вглубь посредством сенсорики невозможно. Обобщенный субъектный репрезентант также имеет своим когнитивным содержанием ожидаемое поведение, но – надиндивидуального субъекта, например этноса. Ожидаемое поведение распространяется и на отдельного человека, но не в связи с его сенсорно воспринимаемой уникальностью, а как на представителя надиндивидуального субъекта. Обобщенный субъектный репрезентант обладает всеми характеристиками понятия. К нему применимы все логические законы оперирования понятиями. Иными словами, обобщенный субъектный репрезентант – это уже понятие. На этапе филогенеза человеческого сознания, возможно, первая когнитивная единица такого типа репрезентировала соседний род. Б.С.Шалютин высказывает гипотезу о том, что вероятности, необходимость представления в сознании межродового взаимодействия и стала социально-историческим стимулом формирования понятийного сознания [2].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в языке сохранились свидетельства субъектного характера генезиса понятий. Например, «стакан стоит», «дождь идет», «книга лежит». Но стоять, идти, лежать на самом деле может только субъект. Причем эта форма выражения мысли существует не только в обыденном языке, но и в языке математическом, где, как принято считать, понятия предельно абстрактны. «Прямая, которая проходит через...», «диагонали делят друг друга пополам» и т.п.

Понимание по преимуществу эмпатического генезиса понятийного знания неизбежно может привести к модификации представлений о сущности последнего, а также полезно и в плане прикладном: в психологии и психотерапии, в общей и коррекционной педагогике, в моделировании мышления и создании искусственного интеллекта.

Такие эмпатические процессы как проникновение, вчувствование, вживание, вслушивание в познаваемое преодолевают ограниченность рациональности и дают возможность целостности восприятия, что является необходимым условием достоверности знания. В связи с этим, эмпатический способ познания может быть применим не только в обыденной жизни, но и в науке – при познании специфических объектов (например, в истории, искусствознании, психологии, психиатрии); в научном творчестве (творческие функции эмпатии необходимы в процессе изобретения, а также при получении новых идей, подходов, и в результате, новых знаний). Данные затронутые аспекты обращают к феномену эмпатии большее внимание для изучения данного явления в рамках современной гносеологии.

Список литературы:

1. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2006. – 713с. : ил.
2. Шалютин, Б.С. О сущности и формах эмпатического познания / Б.С. Шалютин // Вестник Курганского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 1. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. С. 26–30.
3. Пузыревский, В.Ю. Феномен эмпатии в контексте современной западной философии / В.Ю. Пузыревский // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 130–140.
4. Роджерс, К. Эмпатия / К. Роджерс // Психология эмоций. Сборник. – М.: МГУ, 1984. – 400 с.